

РУСТАМ ЧЕРНОВ

**Одиночество.
Тяжесть. Грусть**

Рустам Чернов

Одиночество. Тяжесть. Грусть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522945

ISBN 9785449627094

Аннотация

В сборнике представлены философские аллегории, рассказы и афоризмы 1996—2019, посвященные вопросам творчества, познания, людологии. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Аллегии	5
КАМНИ	5
О сотворении...	5
Путь	7
Философия жизни	10
Философы	11
Об избавлении	12
О государстве	14
О бессмертии...	15
Глазами бессмертного	18
После к сейчас...	21
Весы бессмертия	21
Наивное удивление и тюремщик	22
Мертвецы и мухи	23
Собственность	23
Любовь познания	24
Драконы	25
Странник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Одиночество. Тяжесть. Грусть

Рустам Чернов

Иллюстратор Джон Вильям Уотерхаус

© Рустам Чернов, 2020

© Джон Вильям Уотерхаус, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4496-2709-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аллегии

КАМНИ

*Есть время разбрасывать камни,
есть время камни собирать
Соломон*

О сотворении...

Оно очень старательно трудилось над... впрочем, Оно не знало над, чем именно. Сегодня, это называется вами миром, а Оно Богом, но тогда Оно не было богом, ибо не было еще тех для кого должно было быть. Оно было простым тружеником, узником своей сущности. И длилось это не семь дней... уже потому, что Оно не знало, что есть день, число, время. Оно трудилось, и секунда была вечностью, и вечность была ничем. И так было бы всегда, но божественность, мать всего веселого и легкого, решила сыграть с ним шутку, с этим олицетворением всего серьезного...

...Проказник Гипноз набросил на него свое покрывало... и порядок вещей, оказавшийся предоставленный самому себе, своим хаотичным бегом разрушил монолит совершен-

ства. Он упал с высоты своей цены, расколовшись на мириады осколков...

...Когда Гипноз ушел, проснулся уже Бог, ибо работа была завершена: был мир, была невозможность и устойчивость нестабильности... все это было теперь.

И было страшно божественности – ибо не было в нем совершенства целостности. И не было в Создателе божественности, что-то больше от каменотеса угадывалось в нем, ибо форму следовало воссоздавать ему теперь, по образцу и подобию утраченной целостности. И смехом преодолевала божественность страх свой. «Вечно будешь ты теперь собирать осколки самого себя, чтобы найти себя. Мы дали тебе возможность бытия, а ты сотворил невозможность самого себя. Иди же и собирай камни теперь, будешь ты Гефестом по камням». И грохот смеха сотрясал все кругом, его раскаты испугнули Мысль, встрепенулась, проснулась она и Бог, заметив и пленив, создал дубликат возможности. Подобных себе создал он, сущностью их, сделав собирание осколков. И умолкла божественность, и опять страшно стало ей. «Если я и каменотес, то те, кого создал я, будут возницами ошибки моей, они помогут мне искупить вину мою. Они соберут все обломки и принесут их в Дом Вечности. И буду собирать я камни их и стану богом для всех вас».

Хохот бы ему ответом, – божественность подарила ему время и вскоре бог... умер... но те, кто нес уже камни не знают об этом. И несут они ношу свою, а боги все так же сме-

ются...

Путь

Есть большая и трудная Дорога, скрытая от ока повседневности, ускользающая от поверхностно – обоснованного взора, но зримая оком Вечности. Змеею вьется она среди горных круч, идя по ней никогда не знаешь, что ожидает тебя. Пропасти, окружающие тебя так глубоки, что, когда вглядываешься в них, начинает казаться, что бездна рассматривает тебя и иногда можно часами (веками?) стоять на обрыве и смотреть в лицо вечности, непознаваемости, невозможности, незнанию, бесконечности, сомнению...

Нет ни одного путника, рассказ которого был бы похож на рассказ другого, и от этого многим кажется, что много дорог... но все это от того, что всякий, кто идет близорук. И в однообразии увиденного научились они видеть отличие и многогранность – воистину навык присущий лишь близоруким.

Путь тяжел и потому не поднимают они головы и нет вины их в этом. Легок он только в начале, когда не знаешь о нем, там, в Долине Неведения, счастья и осознанного забвения. Там, ты идешь по ровной красивой поверхности жизни, посылающей тебе прохладу искренности, уверенность постоянства, спокойствие отсутствия трудностей, легкость естественной тяжести. Потом... тебе дают понять, что началась

Она, и мигом все меняется: из путешественника и исследователя в трудягу превращаешься ты, ибо ты уже на Пути, Дорога хозяин тебе теперь. Все, что было, отделяется стеной «несерьезно» и вернуться уже нельзя – Она затягивает тебя, влечет, заставляя вечно спешить в никуда. Ты пропитываешься духом противности отступлению, она хочет быть богом твоей судьбы, ее изгибы и есть теперь твоя судьба. И вместе с тем, Она обманывает тебя, доказывая свою новизну и неповторимость именно для тебя... – клише всего того, что было и будет... Она говорит с тобой то голосами твоих попутчиков, то голосами тех, кто был здесь и уже оставил свой выдающийся след на ней; Дорога всегда говорит с тобой лишь голосами тех, кто не смог от нее отказаться; голос тех, кто выбрал свой путь никогда не звучит в устах ее. Пока молод ты, многое слышится тебе, но не многое можешь услышать ты, все зависит от того, как и зачем идешь ты. Если мало камней у тебя и взор твой не прикован к башмакам твоим, то повесть о духовных ценностях, наверняка для тебя. Если же верблюдом стал ты и, как большинство, не мыслишь себя без серьезных камней, то о долге и обязанностях слышишь ты песнь, чтобы ни говорили тебе. Если же ноша режет крылья тебе, то тишина одинокого режет слух твой, ибо не придуман еще язык для того, кто желает летать.

...Тысячи песен поет Дорога, тысяче душ и все они логичны до абсурдности, и абсурдны до логичности...

Если же рожден ты для своего пути, то будь осторожен,

когда поймешь это. Когда увидишь, что камни, которыми нагружен, мешают тебе дышать, не выбрасывай их прилюдно. Они закидают тебя твоими же камнями, то, что сделал ты, слабоумием называют они. Давно уже созданы ими органы и институты, которые карают, как за кражу чужих камней, так и за отказ от своих собственных, ибо отказаться значит уничтожить ценность их, общественную ценность, а это преступление.

Не пытайся убедить толпу в том, что существование их – это жизнь выючного животного, что смысл жизни не в долге, а в энтелехии «я хочу»; все это против сущности их и потому сбросят они тебя в пропасть.

Среди них есть подобные тебе, но они подобны тебе только в возможности своего подобия. Они лишь отрицают и скрывают свои камни, но продолжают их тащить. Некоторые останавливаются и просто отказываются идти, но все они остаются при этом путниками, они меняют действие, но не мотив его, они продолжают жить так, как этого однажды захотел Каменотес.

Избавиться от камней означает научиться летать, это избавление от колеи тернистой дороги ложных (?) понятий. Свобода – вот мотив свободного, а не того, кто думает, что она – это отсутствие пинка со стороны ближнего твоего.

...Камни... эти – умершие мысли, мысли и заповеди мертвецов, тех, кто ушел, оставив свой опыт и свою истину тем, кто способен взять и потащить ее за собою. Как только ты

доверяешь НЕ-СЕБЕ больше, ты становишься нагруженным верблюдом. Камни – это ноша для неспособных найти свой груз...

Все это так только для тех, кто рожден тащить, те же, кто хотел летать... они погибают, не пройдя и шага, их ломают уже тогда, когда начинают нагружать...

Философия жизни

Идущие не могут видеть дальше, чем приказывает целесообразность выживания, это инстинкт всех путников; – остаться в пути, не сойти с дистанции, не упасть, не оступиться... И близорукость их сродни одержимости, ибо одержимы они Движением, не могут остановиться они уже потому, что много и долго идут. И даже если они понимают, что идти бессмысленно – все равно идут, ибо «Дорога – то продолжается», ведь идут же все, и сколько помнят они себя все всегда ходили... И чтобы быть, они идут, ибо их бытие есть бытие ходака, узника самосознания. Забывают они роли и маски, забывают совершенство, которым обладали. Порчу свою воспринимают как шлифование умения ходить и радуются этому. И когда ноги их подкашиваются и искривляются под тяжестью камней они рады и гордятся этим, ибо «жизнь отражается» в уродстве этом.

Жизнью называют они путь свой и существование свое на этом пути. Целостностью то, что влачат они вечно за со-

бою...

Варварами и дикарями зовут они тех, кто не бредет, а радостно бежит среди круч и обломков скал, отмечая все неуютное, играя с пленившимися обломками Совершенности. Боятся ходоки тех, кто не испытывает боли тяжести, тех, кто вечно смеется и шутит над всем, тех, кто знает, что нет ничего, что есть и будет серьезным. Ненавидят они тех, кто не находится в кругу боли и серьезности, всех тех, кто сам выбирает себе удобные вещи. Ненавидят они игроков с судьбою, тех, кто не знает, что такое тяжесть, не знает пыток невыполненного «Надо». И ненависть их рождает желание если не убить, то... помочь. И они делятся камнями своими, наставляют на путь истинный... забрасывают своими тяжеловесными ценностями; и помощь их есть первое условие убийства. Цивилизацией называют они орудие помощи своей...

Люди всегда объявляют войну этим детям Удачи и Радости, несут свои камни и запрягают «дикарей» в Ярмо человеческой правильности и целесообразности, радуясь той серьезности, которую те приобретают. Приобщением к цивилизации называют они это. И горды они этим до ужаса.

Философы

Очень давно появились они. С усталым видом выходили они из общего потока, выбирали себе глыбу повыше, чем

предшественника, усаживались на нее, разбирали накопленное, оценивая свои камни. Выбирали из них самый острый и самый отточенный и начинали высекать на скале, которую застолбили свое видение...

Этим они занимались всю свою жизнь. Самые смелые кричали идущим, что многие камни из тех, что несут они на самом деле не нужны. Учили какие камни необходимо нести, а какие следует забыть...

...гордились тем они, что меняют слова их Мир...

...И до сих пор на Дороге можно видеть столпы учений их и жалко становится каждого из них, как жалко всякого, «кто умер в море от жажды».

Что толку в избавлении от сущности, если «избавление» значит не тащить, а сохранять и шлифовать свои камни на Обочине?

Об избавлении

Знаете о чем мечтаю я, соседи мои? Об избавлении вашем. Хочу увидеть я вас радостными и счастливыми; хочу, чтобы вы желали владеть, а не обладать,

хочу, чтобы понимали вы собственность как однократность;

хочу, чтобы делали вы все ради самого «делания», не задумываясь о ценниках, чтобы творили вы, а не думали о том, как дороже продать талант свой,

хочу, чтобы думали вы лишь о том, что знаете и в чем уверены;

хочу, чтобы играли вы с серьезностью, как играет с мечом ребенок;

хочу, чтобы забыли вы двух теней ваших, одна из которых вечно противна вам, а другая вечно неизвестна вам; и от того страшна вам;

хочу, чтобы жили вы не холодом камней, а дыханием вулкана;

хочу, чтобы удовольствие было спокойствием вашим;

хочу, чтобы только ветер был опорой вашей;

хочу, чтобы тысячу жизней прожили вы вместо одного жалкого подобия;

хочу, чтобы прежде чем вы скажите «Я», не думали вы о «НЕ-Я»;

хочу подарить вам одиночество единства игривой серьезности, чтобы кроме радости и легкости ничто не напоминало вам о существовании вашем;

хочу из каждого каменотеса сделать творца;

хочу сбросить камни ваши в пропасть сомнения, чтобы бездна не манила вас пустотою своей;

хочу, чтобы объединяло вас лишь то, что больше всего отдаляет вас друг от друга;

хочу, чтобы забыли вы слова, которые не имеют формы, ибо вечные камни лишь для вечных людей...

О государстве

Интересен не сам человек, а его проявления. Сущность животного, не испорченного животного, того животного, которое еще не стало человеком, всегда остается с ним. Его ноша – это ноша самого себя и от того легко ему, бытие не обременяет его. Человек же, как предмет никогда не усматривается, человека нельзя увидеть, его можно только осознать. Понятие «человек» открывается в связях, в реализации того внутреннего, что несет в себе он. Человек интересен трансцендентальностью, а человеки – своим замкнутым брожением и слепотой. Все то, что не способно быть сильным и все то, что есть нутро и зловоние в человеке, есть мощь и оплот в облике человеков. Все нечистоты человека есть опора бытия человечества. Все, чем противен человек изнутри есть гордость человечества. И потому если чист и легкий ты, не место тебе среди людей...

Государство – это кара за свободу и попытку расстаться с тяжестью. Государство – это мотив и средство для убийства тех, кто отказался от общего пути, от общих камней. Государство – это догма и рок, которые повелевают как нужно, как надо, что нужно тащить, сколько отдать и сколько оставить... Государство – это хозяин на скотном дворе. Государство – это порядок, порядок вечного бремени хаоса и абсурда... если живешь ты среди свободных истин...

Государство рождено слабостью и для слабых и потому дарит оно себя всякой радости и баловству. Государство это серьезность абсурда, превращенного в логику жизни.

Камни его – это всегда снаряды Пращи Закона готовые поразить того, кто вне нормы, вне закона, вне общества. Оно есть орудие убийства всего нового и совершенного, но это и мера тяжести, мера ценностей, которые возможно и должно взвалить себе на плечи, чтобы быть его сообщником – гражданином. Камни, обточенные им, безлики и удобны для всех и у всех. Каждый несет эти двуликие камни, пересыпая и перебирая их так, как велит Оно. До государства можно говорить о несвободе, в государстве говорить вообще не приходится – остается лишь выкрикивать лозунги и призывы.

Государство может потребовать избавиться от всего негосударственного, тогда злятся на него и называют его несправедливым. Левиафаном зовут его тогда. Но возможно, что оно вдруг «подобреет» и разрешит нести еще что-то помимо себя – тогда свободой называют они это и радуются своему кусочку Дороги, уважают они тогда себя за то, что каждый имеет право на свой личный глоток пыли, на свою собственную форму камней... и радуются эти сапиенсы счастьем своему...

О бессмертии...

Весь путь копят камни они: одни выбрасывают, другие ме-

няют, некоторые же, самые отчаянные, высекают их прямо из скал – все это опытом и знанием называют они. Так проходит их жизнь.

Но когда чувствуешь дыхание вечного «Все проходит», невольно, ощущаешь и тяжесть своей ноши. Тяжесть становится свинцом вечных истин и потому надо избавляться от нее. Но выбросить свои камни можно было только в молодости, пока они еще не вросли в тебя, не сформировали тебя, теперь же придется раздавать и упрашивать, чтобы взяли.

Отдавая эти осколки Разумности, они отдают самих себя и от того, что дают они и что берут у них, зависит будут ли идти они, будет ли живо то ради чего жили они. Взвалить свою тяжесть на плечи потомков – вот задача каждого из них в канун небытия. И если твои камни обычны, то передаешь лишь опыт, если же ты был точильщиком своих камней, то знания передаешь; и пока они будут с ними – будешь и ты как создатель их, как тот, кто, в их понимании, создал нечто новое и полезное... но все новое есть отход от утраченной совершенности, все новое есть гарантия того, что монолит совершенства собран уже никогда не будет, и в этом злая шутка божественности.

...Но были и те, кто выбрасывал камни на Дорогу. И по тому, как они это делали можешь определить сущность их: слабость или силу. Слабые бросают потому, что уже не в силах больше идти, дух тяжести уродует им не только душу, но и тело. Сильные же сбросив одну ношу, взваливают вза-

мен другую – презрение ко всем, кто еще окружает их, этих заложников своего одиночества. Слабые гибнут под градом камней общества, сильные же сами топят все вокруг.

...Некоторые путники посвятили всю жизнь тому, что собирали камни на тропинках войны – такие гладкие отточенные, готовые убивать...

...Смерти нет. У вьючного животного смерти нет, ибо жизнь его есть работа и серьезность, а смерть – высшая степень несерьезности. Пока есть человек, пока есть кто-то, кто называет себя и понимает себя, она невозможна для него. Смерть возможна только через осознание себя как *не-человека*, только через расшвыривание камней в головы еще идущих...

...Умереть, подарив камни, которые приняли, в обмен на свои собственные, – значит стать бессмертным, расшвырять камни всех, кто собирал их в прошлом и будущем, значит стать врагом самой смерти, поставить себя вне Дороги, взлететь... ибо, что удерживает тебя от полета, кроме того, что сам ты насобирали и чем тебя нагрузили?

...тяжело бессмертному... витает он как тень среди узников своего незнания, не смелости, не своего «Я». Страшно ему за них потому, что даже клич его, сотрясающий скалы, не привлекает внимания их. И поэтому говорит он лишь с тенями своими: Одиночеством, Истиной, Уверенностью и Смешным Умершим Человеческим Страхом. И тихо шепчут они ему: «Ты хочешь, чтобы тебя заметили? Отправляй-

ся же тогда к себе, уходи в свой мир. Что забыл ты здесь? Пепел и грязь уже слетели с тебя, уходи же, ибо Вечности тоже бывает одиноко... давно ждет она тебя».

Глазами бессмертного

Пыль. Суетою называете вы что-то, что должно помочь вам осознать себя. Правильность во всем, даже в отрицании самих себя – вот постулат ваш. Превзойти суету – значит свыкнуться с ее существованием... Дорога ваша всегда в пыли, она забила вам уши и потому не слышите вы уже не только музыку, но и топот свой, от того кажется вам, что одиноки вы. Пыль стала видением вашим и потому серо все для вас и безрадостно.

Купание называете вы «превзойти себя», а сверхчеловека видите в том, кто все же помылся.

А когда идет дождь, вы говорите, что нравы пали, ибо грязью становитесь вы. Когда же дует ветер, временами трудностей называете вы это...

Орел. Какое дело мне до камней ваших? до слов, которые бросаете вы мне? Ветер, ветер и только он владеет мною. Что мне до истин, полет которых есть падение? Что стоит все, что вечно будет ниже даже ваших ног? Зачем подбирать мне то, зачем охотитесь вы? Моя добыча, мои истины, – легки и умеют летать. Удовольствие я нахожу в игре на перегонки с ними. Ценю и люблю я только то, что быстрее меня самого,

легче меня самого...

Вы хотите убить меня? Не ловите воду сетями, старайтесь лучше не замечать меня; сохраните единственное благо, что осталось у вас – спокойствие ваше.

Ночь. Когда путники уставали, наступала ночь... в темноте они не могли отличить один камень от другого, а ведь они любили хвастаться друг перед другом, что искусны настолько, что знают свои камни. Начинали кричать и метаться они, ощущая всю бесполезность своих попыток определиться, понимая, что не знать своих камней значит не обладать ими. Теперь свои камни они путали с чужими, и убивали друг друга, защищая право обладать, которое уже не опиралось на способность – знать...

Так рождались войны. Они снимали накопившуюся усталость и давали им силу экстаза движения... и тогда ночь становилась светлой – наступал день, и затмения Разума переставали мучить их, и отправлялись они снова в путь.

Тяжесть. Однажды один из путников сорвался в пропасть. Прошло три дня и его увидели парящим в воздухе... все говорили, что это боги спасли его, но он рассказал нечто другое: «Я падал в бездну отчаяния, и она поглотила свет. Но я падал слишком долго и научился жить в преддверии смерти. Прошло много времени, а я все летел и летел, предчувствуя скорую гибель... и сума моя расстегнулась сама собою и все камни унеслись вниз, я же завис в воздухе...»

Он не договорил, они как обычно забили его камнями

«Безумец» – слышалось эхом в горах...

После к сейчас...

Весы бессмертия

Ничто не приносит большей радости, чем откровение творчества. Ничто так не радует, как схваченное мгновение истины, это мгновение слепой уверенности в своей правоте. Ничто так не облегчает, как свобода, принесенная решением вопросов, мучающих уже не один день, месяц, год. Ничто не поднимает на вершину гордости так, как это: открытие в тайниках своей души нужной двери нужным ключом. И чтобы ни говорили статистики и психологи, в эти моменты творческой удачи, действительно, чертовски близок к тому, чтобы поверить в бога, особенно в своего Бога... Но... нет вещи, которая сильнее заставляла бы страдать, чем вынашивание своего детища. Нет острее боли, чем боль предательского сознания, что то, что вынашиваешь – «не то», что нужно «другое». Мучения, прекратить которые невозможно, отказать от которых нельзя, как нельзя взлететь, чтобы просто не чувствовать своей тяжести.

...Нет худшего огорчения, чем тупое поддакивание «из вежливости»; нет худшего отчаяния, чем умные вопросы и деликатные возражения, которые кричат тебе, что все напрасно: тебя ни на йоту не поняли... и нет худшего со-

мнения, чем сомнение самооценки, взвешивающего на весах твое «Я», освятившее рукопись, и авторитет оппонента, эту матрицу знаний общества. Жутко становится от того, что весы подчиняются времени, они будто бы маленькие часики – перешагни вот эту стрелку и ты уже бессмертен, а сделай хоть одну «их» правку и ты друг – товарищ своего врага, маленькое деление, промежуток секунды, – своего времени, своего века. С этими весами нужно быть осторожным, они всегда фальшивят сейчас, и всегда врут потом, как часы, которые однажды завела Вечность...

Наивное удивление и тюремщик

Ничто так не удивляет как неожиданное открытие, что *то*, чем ты живешь все это время, *то*, что движет тобой, *то*, что ты выстрадал кровью на бумаге, до сих пор не покинуло тебя. Оно еще живет в тебе, в твоём, и только твоём мире. С удивлением замечаешь, что построил тюрьму, а сам ты – забывчивый тюремщик, исправно запирающий двери, хотя никто и не собирается бежать... Но доставать осужденные на молчание истины как-то «совестливо» – драконы мешают, но и пожизненное заключение не для них, истина ведь бессмертна. Вот и сидишь, и ждешь: умрет ли она, но вдруг понимаешь, что слава тюремщика всегда пахнет отстраненностью, ибо уже тебя удивляет, что ты заточил их сюда – картотеку памяти о знании.

Мертвецы и мухи

К людям испытываешь противоречия. Их презираешь за «ТО», ненавидишь за «ЭТО»; но отмыться от людского нельзя. Они, состоящие, по большей части, из помоев чистенькой Совести, липнут ко всему, от чего не успели в свое время отмахнуться. Они не любят мыслить, за них это делают мозги мертвецов, которые они удачно разместили в своих головках, от этого, наверное, речь их тебе кажется всегда зловонной; истина в образе разложившегося трупа прельщает только мух и стервятников.

Собственность

Творчество это ноша, которой нельзя ни с кем поделиться. Но это не самое страшное, самое страшное то, что это всегда *твоя* ноша, а ощущать себя Homo sapiens намного труднее, чем быть ослом, нагруженным *чужими* камнями.

Ты сам неосторожно заглянул в щель входа в свет, так чего же скулишь от того, что тебе теперь плохо жить (?) при свете молний? Почему недоволен тем, что радость не так часто растягивает тебе лицо? Почему недоволен тем, что не радует тебя восторг людей, от самых примитивных твоих вещей? А! Тебя пугает, что время вымывает из тебя «обыкновенного человека», или «человека вообще»? Тебя греет, что

тебя будут вспоминать и ты будешь великим (?) ... НО... ведь ты острее чувствуешь это, ты пытаешься ухватиться за него, поймать его, ибо тебе кажется, что *другие* его могут контролировать...

...Но не вздумай нести огонь людям – это ты привык к ласкам его, они же побьют тебя, ибо холод их, от которого они скулят в старости, есть первое условие бытия как человека. Лучше подожги темноту вокруг – не бойся, они не поймут, не пострадают; они убегут и пожар будет для них изда- лека все тем же маленьким огонечком, что и теперь ты скрываешь в своих ладонях, защищая от ветров общественного мнения.

Не забудь – нельзя поджигать им чужие системы, это слишком глупо, потом, рискуешь не найти своего пожара.

Люди любят лишь тот свет, который дарит каждому, как части «целого» *состояние*; они ненавидят свет изменения и катастрофы, ведь они не привыкли жить теплотою вулкана познания.

Любовь познания

Им нравится любовь и мука, но не нравится, когда ты отдаешься им. Помни: любовь одного порождает презрение и насмешку многих.

Самооценка – это вечный акт ревности любви к познанию. Ревность и только она так способна заполнить душу тоской

гиганта, связанного мелкой паутиной общественных ценностей; только в ревности мысль, эта двуликая женщина, заставляет страдать физически, ибо мозг уже исколот иглами сомнения настолько, что спокоен и готов просто мыслить. В аду живет тот, кто не понял простой истины, чтобы творить необходимо доверять себе, иначе твоей свободой сознания, будет ярмо человеческой правильности. Нужно отдаться чувству любви и всецело раствориться в нем, если не хочешь, чтобы драконы сожрали тебя.

Драконы

Первый дракон — это Сомнение. Это то, что может расправиться с тобой и расправляется с тобой; единственное спасение — бежать к тому, оставленному самому себе, к столу, к перу, к бумаге, чтобы отдохнуть от рвоты общественными ценностями...

...Второй дракон — это Незнание. Это дракон с двумя головами: «Да — Нет», «Плохо — Хорошо», «Добро — Зло», «Полезно — Непользно»... — поверьте, братья мои, тысячи таких клыков кроется в его пасти и каждый ты должен почувствовать, каждый должен попробовать тебя, и горе, если ты не любишь себя, не уверен в себе, не доверяешь себе... не знаешь о себе. Но не вздумай искать спасения в знании о тебе. Не сбегай к людям! Не ищи их признания, ибо им надо светить лучиной, а не тысячесолнцевой грудой, раскален-

ных до бела анализом, обломков *их* ценностей. Ты будешь либо давать милостыню, либо общаться только со слепыми. Свети так, как светит Солнце – безразлично ко всему, чему дарит оно себя...

Третий дракон – Гордость, великий притворщик, он остужает жар, это вода на Костер под тобою, но помни ведро принадлежит обществу, гордись, но знай, что ближе подойди к толпе – это ее возглавить...

Необходимость – четвертый дракон. Твой разум вопрошает тебя эхом тысячи мертвецов «Зачем?», и ты понимаешь, что не знаешь ответа. Ты мечешься среди призраков прошлого, но авторитет – гнилая ступенька на лестнице, ведущей в Вечность. Помни, ты уже далеко от вопроса «зачем», он не нужен тебе, ибо всякое «зачем» значит «для кого», а для кого может быть то, что непосильно даже Богу, – только для тебя самого.

Странник

Выбрось все вопросы, как выбрасывает путешественник монеты стран, которые он давно прошел; или сохрани их как воспоминания, но для этого нужно быть слишком сильным, нужно быть укротителем драконов. Научись уметь вглядываться в свое прошлое лишь настолько, насколько это удобно для тебя, а для этого надо обладать Разумом с глазами, а не душой с глазом. Подчини свои чувства Разуму, и тогда

Разум сможет чувствовать, но помни из всех страданий боль умирающей мысли – самое тяжелое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.